

Кардинал Джузеппе Сири. ЦЕРКОВЬ.

Святые идеалы и небесное присутствие в мире.

Пастырское послание от июля 1963 г.

Церковь, то есть Царство Божие, охватывает небо и землю. На земле она совпадает с Католической Церковью. Католическая Церковь также может быть открыта душам через мученичество или через желание крещения. Сверхъестественный план Бога идет по путям, проложенным природой.

Воплощение Слова становится образцом для всех вещей. Две природы являются как бы материей, на которой проявляет себя Божественная работа, сохраняя с ней аналогию, впечатляющую в своем созвучии.

Церковь имеет элемент Божественный и элемент человеческий. Как во Христе Божественная природа ни в чем не изменила человеческую природу, и человеческая природа ни в чем не обусловила Божественную природу, так же происходит и в Церкви. Человечество сохраняет там всю свою полную реальность. Вот почему там можно найти грех у отдельных личностей, и у многих несовершенство, несчастье, страдание. Но ничто не исказилось из того, что касается Божественного установления. Свобода остается нетронутой у отдельных личностей и в ходе истории. Человечество несет с ней все свое наследие, и, следовательно, свою возможность заблуждения и несовершенства. Никто не может быть этим шокирован.

В своем элементе Божественного установления Церковь состоит из элементов, равно известных в человеческом выражении, но обогащенных здесь реальностью, способностью и речательством сверхъестественного порядка, так же, как сверхъестественными связями. Строение общества, его власть, инструменты власти, являются аналогичными земным реальностям. Земное общество имеет свою общину, центральную власть, и оно имеет малые общества, происходящие не от позитивного права, но вполне от права естественного. Так семья, живя всецело согласно своему неотъемлемому праву, является, однако, подчиненной общине. В Церкви мы видим некоторую аналогию. Отдельные семьи, поместные Церкви, основаны на Божественном праве, и, однако, епископы, стоящие во главе их, как и сами поместные Церкви, подчинены Римской Церкви, то есть Римскому Первосвященнику.

Замысел развивается согласно тому же ритму. Жертвоприношения и Таинства всегда составлялись через соприкосновение элемента чувственного и элемента Божественного. Двойственность является таинственным сочленением, благодаря которому все остается нетронутым в Божественном достоинстве, все остается нетронутым в человеческой функции.

Сама Церковь имеет деятельность и реальность внешнюю и юридическую, она является обществом, необходимым для спасения. Но кроме внешнего выражения имеется внутреннее. Говорят, в самом деле, о принадлежности к телу и к душе Церкви. На этом сочленении раскрываются врата Царства Божия, которое имеет жизнь видимую и жизнь невидимую, тайную, чудесную.

Здесь надо вернуться в отправную точку: присутствие и тесная связь, существующая между сотворенными вещами и Несотворенным. В этом двойном сочленении, о котором только что говорилось, находится передача жизни вечной, приемное Богосыновство. Божественная жизнь охватывает всех, кто придерживается ее принципа и соблюдает ее закон. Но те, кто находятся в Церкви, получают в этом отношении преимущество перед всеми прочими, благодаря обратному действию заслуг.

В Божественной общине, в благодати и передаче заслуг через единство со Христом, Богом и Человеком, осуществляется на небе и на земле Общение Святых, Мистическое Тело самого Христа. Мистическое Тело остается самим собою перед лицом мира, несущегося по большой траектории времени, пространства и перемен.

Мир не является только небольшим фоном заднего плана великой драмы, но, поскольку он состоит из вещей и людей и носит начертанную на нем скрижаль Божественного естественного закона, он является почвой, где возрастает сама великая драма, соблюдающая и использующая предначертания этого закона.

Такой и не иной является функция космоса в отношении Христа и функция Христа в отношении космоса, который не может простираться по ту сторону, ибо космос всегда заключен в количественных границах своей структуры.

В мире и в космосе главная часть называется не историей изменений, но историей человеческих деяний. Да, история рода человеческого является более значительной, чем космос, и неуместно

умаление перед ним, ибо он - только сфера и почва, в которой эта история возрастает.

Здесь также продолжается созвучие. Жизнь космоса не мешает истории Царства Божия, которое, по крайней мере, в этом порядке, является здесь конечной причиной. Царство Божие несколько не нарушает ритм и свободу Истории. Оно, несомненно, оказывает влияние на расширение возможностей этой свободы и этого богатства.

Все слова, которые мы произносим, связанные одно с другим, повторяющиеся в совершенном созвучии на протяжении всего развития, стоят позади истины и действительности, которые погружаются в бесконечность.

Чудеса, святость, мистический опыт, риск испытаний, из которых только Церковь выходит живой, являются, как на горе Фавор, малыми лучами света, открывающими гораздо более высокое величие. Предполагается нечто за пределами замысла, имеется уверенность, коренящаяся в бесконечности, и ощущается изумление от неизменной гармонии созвучия. Но в некоторый момент осознается, что реальность продолжается, и понимание останавливается. Это точка, где встречается тайна.

Тайна Церкви должна являть себя столь же хорошо в своей полноте, как и в своих отдельных частях, поражая этим наш взор. Чисто юридические понятия истинны и необходимы, но они являются только элементами, составляющими часть целого. Бог, который единственно является причиной, без ограничения потенциала сотворенного результата, поставил двойственность также в наш порядок. Мир и Мистическое Тело идут наравне, не умаляя друг друга. Так, когда Слово вошло в мир, Оно оставило Свою Мать девой, и когда Оно вошло в дом в день Воскресения, Оно не имело нужды открывать двери. Таким образом, указание Бога на бесконечные возможности проявляется с совершенным созвучием в каждом пункте Божественного Откровения.

Ничего нового. Но Церковь утрачивает привычку смотреть таким образом. Если сегодня мир имеет более широкие горизонты, то это также потому, что мы стеснены расширяющимися границами его ландшафта, для лучшего понимания Божественного торжества, которое фактически заключается в нем.

Вот как Церковь достигает идеала, без всякого страха, без всяких изменений, подавая средства, способные возвысить человеческие деяния, простые и великие. Она несет, в самой себе, истинный, единственный, великий идеал человеческого пути. Поэтому счастливы те, кто призван к алтарю. Вот почему несущие Христа в Таинстве Священства должны быть особо почитаемы, вот почему Епископы окружены духовным достоинством, а Римский Первосвященник - единственным в своем роде величием. Вот искусство и чувство прекрасного никогда не являются ложными, когда предметам и лицам почтенного достоинства, духовного авторитета, представительного величия, они приносят свою красоту, свою силу выражения, свое достойное толкование. Все то, что помогает пониманию странствующих по земле, и что является модуляцией песнопения, которому отвечает только вечность.

Церковь отделяет себя от космоса и не является рабыней космоса. Люди, искупленные Христом и освобожденные Христом, не имеют никакой причины быть сильно взволнованными количественным величием космоса. Тайна Церкви является также тайной ее независимости, ее главенства по отношению к значительности космоса.

Institut du Christ Roi et Souverain Prêtre.

Revue № 24. A. D. 2002 - 2003. P. 5 - 8.

Кардинал Джузеппе Сири. ПРЕДАНИЕ.

Святые идеалы и небесное присутствие в мире.

Пастырское послание от июля 1963 г.

Божественное Предание возрастает в Церкви. Многие установленные истины могут быть подтверждены только свидетельствами, взятыми из Предания. Было бы ложным толкованием высказывание при помощи библейских текстов каких-либо истин, если не получено одобрение Учительства в отношении их ценности.

Это Предание не является учрежденным, то есть его свидетельства содержатся не только в письменных документах, которые можно найти у церковных писателей, но во всей церковной практике.

Смиренный приходской священник, обучающий катехизису, утвержденному компетентной властью, является свидетелем Предания, так же как и богослов. И часто он является им в гораздо большей степени, благодаря простоте разума, который только смиренно и уважительно передает, тогда, как богослов может чувствовать себя в состоянии внести нечто личное, спорное, сомнительное или полемичное.

Монастырские обычаи таким же образом свидетельствуют о Предании, когда они находятся естественным образом в гармонии с жизнью Церкви.

Скульпторы, которые на стольких камнях, помещенных тут и там в постройках древних соборов, представили, даже грубо, изображения, плоды их благочестия, являются свидетелями. Самый скромный архивный документ, когда он фигурирует, повторим это, во всеобщем и продолжающемся концерте, является свидетелем Предания. В целом, жизнь Церкви всех времен в бесчисленных формах, в которых она проявляется, является свидетельством об истине, которую Церковь хранит на протяжении веков.

И особенно в этих едва четких свидетельствах проявляется функция уравниваемости, здравого смысла, постоянного выбора между тем, что может быть принято из смелости богословского исследования, и тем, что вязнет в суждениях и противоречиях. Поэтому часто ординарное Учительство Церкви проявляет себя ясным, способным отбирать и укреплять. В необъятной совокупности документальных источников находится связь, быть может, наиболее аутентичная, между различными эпохами в постоянстве Божественного Предания.

Мы использовали выше два термина: свидетели и носители. Ибо свидетели скорее напоминают о том, что было, и это, несомненно, является истиной, тогда как носителями являются те, кто в действительности, в этом Божественном ореоле, где люди участвуют в Божественном деле, передают истину.

Божественное Предание не составляет одно целое только с писаниями, но со всем, что происходит в Церкви, что является живым, именно потому, что оно тесным образом направляется, поддерживается и защищается Святым Духом.

Святые являются свидетелями и носителями Божественного Предания, даже если оставить без внимания то, что они написали, и их писания имеют обычно отдельную ценность. Они принимают все от Церкви во время своего формирования. В связи с этим, сколько раз находятся смиренные родители, без всякой претензии и со столь большим познанием Бога, приобретенным в постоянном соприкосновении с Церковью, с литургией, с самим Христом, с Богородицей и со Святыми.

Все, что Святые приняли, они сохраняют вне споров и случайных мыслей, в сиянии добродетели, молитвы и любви. Они выражают вновь, с избытком, которое единение с Христом способно производить, и бесчисленным количеством способов, выражают наставления, практические действия, решения, проливающие свет на принципы, и духовные установки, твердые, верные, уходящие в века; обобщения и выводы истинного и самого возвышенного учения. В то время, как они делают это, при их жизни на них часто, но не всегда, обращается восхищенное внимание самой Власти. Она помогает, она одобряет, она вдохновляет, она спокойно и мирно судит. И таким образом она осуществляет, или скорее начинает таким образом конкретизировать, богословски приемлемое согласие.

Что касается Святых, юридически и недвусмысленно канонизированных, то они являются объектом исследования и одобрения, что значительно увеличивает ценность того, о чем только что говорилось. Мы могли бы сформулировать все Божественное Предание, доверенное Церкви, оставив все в стороне и взирая только на Святых.

Не является ли справедливым, по этой причине, что некоторые находили бы Святых назойливыми? Если речь идет о создании богословия молитвы, то Святая Тереза, не говоря о ее личном значении и ее гении, вследствие только реформы, которую она провела, неявных и явных одобрений, которые она получила, и того, что она внесла в монастырскую, аскетическую и мистическую практику, является, несомненно, свидетелем Предания более важным, чем множество богословов. Ибо редко, когда их писания были бы так проникнуты дыханием самой Церкви, как произведения Святой Терезы Иисуса.

*Institut du Christ Roi et Souverain Prêtre.
Revue № 24. A. D. 2002 - 2003. P. 8 - 11.,*

Кардинал Джузеппе Сири. ЗАСТУПНИЧЕСТВО СВЯТЫХ.

Святые идеалы и небесное присутствие в мире.

Пастырское послание от июля 1963 г.

Учение о заступничестве Святых составляет неотъемлемую часть католической веры. Оно имеет глубокие и чудесные корни: участие Святых в деле и славе Иисуса Христа, неуывдаемая ценность их заслуг, обратимость этих самых заслуг.

Не время объяснять здесь столь великие истины. Достаточно было бы их напомнить. Это истины, на которых основывается вера в Мистическое Тело Иисуса Христа и в Его неизреченную жизнь. И так, это является не мечтами или благочестивыми предположениями, но действительностью.

Через это заступничество Небесная Церковь сопровождает воинствующую Церковь не только нравственно, но и онтологически. Это заступничество не является, несомненно, менее могущественным по своим результатам, чем собственная вера странствующих по земле, способная передвигать горы. Кроме того, в силу этого заступничества ни Церковь, ни верующие не оказываются в изоляции. Святые, поистине, наполняют землю более, чем живущие.

Благодаря способу, согласно которому оно осуществляется, и благодаря результатам, которых оно достигает, заступничество Святых составляет одну из наиболее интересных страниц таинственной жизни Церкви. Через заступничество Святые исполняют посмертные миссии. Они осуществляют все особые присутствия, выполняют процессы чрезвычайного участия в событиях Истории. Через юридический институт Святых Покровителей Церковь утверждает этот факт и веру в эту деятельность Святых. Имеется разнообразие, изобилие нюансов, которые только великие христианские историки, великие агиографы в состоянии воспринять и выразить. Для Святых весна никогда не кончается.

Литургия, обряды, молитва, иконография являются также иллюстрациями этой истории.

Пусть не забывают: как слава следует за заслугами, так заступничество Святых следует за их земной миссией, оно продолжает ее и завершает. Эта истина призывает нас к почитанию Святых Покровителей.

Святые отдали жизнь земле, общине, миссии. Мы имеем право считать, что их заступничество, если оно не является исключительным, животворительно для этой земли, этой общины, этой миссии, и связано с ними. Они здесь являются близкими. Они не являются всегда избираемыми по вкусу, и они имеют право быть особо почитаемыми теми, кто продолжают следовать по их пути.

*Institut du Christ Roi et Souverain Prêtre.
Revue № 24. A. D. 2002 - 2003. P. 11 - 12.*

Кардинал Джузеппе Сири. ПОСЛУШАНИЕ.

Святые идеалы и небесное присутствие в мире.

Пастырское послание от июля 1963 г.

Послушание находит свои глубокие корни в Божественной воле. Послушание оказывают потому, что Бог хочет, чтобы оказывали послушание. Перед лицом этой истины понятно, что мотивом послушания не является ни доблесть, ни благосклонность, ни мудрость того, кому оказывают послушание. Мотивом являются нравственные качества, присущие послушанию. В конечном счете, это соответствие Божественному желанию.

Бог сформулировал естественный и позитивный Божественные законы. Но эти два закона не являются единственным средством, при помощи которого нам сообщается Божественная воля, особенно в конкретных и точных деталях. Имеются следствия того и другого законов, например: церковный закон и гражданский закон. Есть личности, уставы, правила, договорные действия, ситуации, через которые мы получаем общее правило и частное правило при помощи справедливого соединения и при помощи дифференцирования первоисточников закона. Через эту связь множество человеческих дел и личностей становятся законными носителями Божественной воли. Естественно, могут возникнуть случаи, когда эти носители поставят себя вне законного права осуществлять власть в общем и в частном. С этого момента они не будут более носителями. Но такой случай никогда не предполагается заранее (предполагается обратное), ибо это должно быть доказано применением обычных правил нравственного богословия.

В целом, никогда не оказывают послушания только человеку, но оказывают послушание единственно Богу. Этого достаточно, чтобы отметить серьезный, внутренний характер послушания. Мы говорим "внутренний", поскольку Бог является господином и судьей также внутреннего мира человека. И понятно, что должно быть также интеллектуальное послушание (по существу им является вера), так как существует компетентная власть в отношении него. Бог вполне может требовать такого послушания.

Очевидно, что послушание не допускает оговорок, чтобы проверить, является ли приказ разумным. Такая оговорка наносит удар основному мотиву послушания: Бог хочет, чтобы оказывали послушание.

На этом можно было бы остановиться. Но мы не можем не позволить себе присовокупить несколько дополнительных размышлений, которые послужат наставлению в глубокой философии послушания.

Послушание становится заслугой перед Богом, и оно же становится любовью. Сам Искупитель учил: не всякий, говорящий: Господи, Господи, но исполняющий волю Отца (Мф 7.21).

Послушание тем больше имеет заслуг и тем лучше осуществляет любовь к Богу, чем более незримы основания, из-за которых необходимость приказа становится очевидной, или если, более того, требуется принять приказы от лиц неприятных, нижестоящих и т.д. Во всей Божественной экономике есть присущее ей основное правило увеличения ценности заслуги - вводить "посредников" и увеличивать дистанцию. Не будет ли истиной, что мы действительно любим Бога, если мы любим наших братьев, даже когда сами они нам отвратительны?

Таким образом, независимо от мудрости того, кто приказывает, послушание включает всегда сверхъестественную мудрость, поскольку оно соотнобразовывается с высшей мудростью Бога и с планом Проведения. Несомненно, что оно соотнобразуется со сверхъестественной мудростью, если оно соотнобразуется с волей Бога. Поскольку оно приспособляется к воле Бога, оно соотнобразуется с планом Провидения, и, следовательно, оно всегда ведет к благому концу, даже в случае, когда могут представляться недостаточными благоразумие и мудрость того, кто приказывает. Бог не требует, чтобы проявляли умение в послушании, но требует, чтобы проявляли любовь превыше всякого умения. Тот, кто оказывает непослушание, может также проявить интуицию и благоразумие, может лучшим образом достичь цели. Но так как он, в конечном счете, не соотнобразуется с волей Бога, то, несомненно, пребывает в заблуждении. Провидение не помогает непослушанию, и конечный план Провидения согласовывается с истиной и благом. Вот причина, по которой тот, кто оказывает непослушание, испытывает страх. Он поставил на своем пути заблуждение и мстительную справедливость. Это обходится еще дороже, когда непослушание касается священной власти, которая выводит свое достоинство из сверхъестественной позитивной конституции.

Послушание обогащает людей, поскольку позволяет им наполняться мудростью и опытом других. Является благом размышлять об этом обогащении, даже если оно не является принципиальной точкой зрения добродетели и духа послушания. Ребенок, который оказывает послушание, будет восполнять

свою неопытность и свою наивность опытом и знаниями других; ребенок, который не оказывает послушания, будет только увеличивать свои недостатки, открывая дверь всем недостаткам других. Ученик, воспитывающийся в послушании и не выделяющийся своим самомнением, достигнет того же результата. Даже если есть в мире несправедливые, глупые, устаревшие или вредные законы, в целом следует полагать, что закон является плодом коллективного опыта; и соблюдение его, с этой точки зрения, увеличивает мудрость и благоразумие того, кто его соблюдает.

Послушание является упражнением воли, которое стоит очень много. Упражнение повышает качество воли и делает людей сильными.

Послушание поддерживает ответственность, совершенствующую того, ее несет. Когда имеется возможность проявить послушание, не остаются в сомнении и в заблуждении: послушание является гарантией.

Наконец, послушание является стражем права, согласия и мира: вопросы, которые не может урегулировать ни какое соглашение, разрешаются с пользой в послушании.

*Institut du Christ Roi et Souverain Prêtre.
Revue № 24. A. D. 2002 - 2003. P. 13 - 15.*

Кардинал Джузеппе Сири. УМАЛЕНИЕ ДУХА КРЕСТА.

"Ортодоксия, заблуждения и опасности".

Пастырское послание от августа 1959 г.

Слово сделалось человеком, Оно вошло в человеческую семью, Оно вновь открыло источник благодати, и Оно искупило нас через страдание. Крест кратко излагает всего Иисуса Христа. Таким образом, не только Он неотделим от Креста, но Крест кратко излагает всю Его жизнь и всю Божественную мудрость, содержащуюся в Его обращении.

Закон без Креста вовсе не является законом Христовым. Путь без Креста вовсе не ведет к Христу. Обо всем этом, на практическом основании, Он говорил многократно и строго: "Если кто хочет идти за мною, возьми крест свой и следуй за мною" (Мф 16.24); "Тесны врата и узок путь" (Мф 7.14). Святой Павел ясно комментирует это.

Это тот путь, которым всегда ходила святость. И это было там необходимостью не только для того, чтобы сообразовываться с искуплением на Кресте, чтобы уподобиться Христу и чтобы, как должно, искупить вину, но также для того, чтобы восполнить в нас то, чего недоставало во времени и в Царстве Божьем, даже до Страстей Христовых (Кол 1.24).

Идея умаления, каким-либо образом, смысла Креста и всего того, что он означает, является следствием внутренней слабости некоторых душ и их страха перед миром. Наиболее часто речь идет о духовном беспорядке, который надо расценивать таким, каков он есть.

Имеется также у некоторых опасение не найти учеников для Христа, если вещи представляются с суровостью. Быть может, здесь присутствует добросовестное, но, несомненно, также опасное малодушие. Хотели бы, чтобы вещи были легкими. Однако, они не должны быть легкими, как ради достоинства человека, все получающего от Бога, так и ради достоинства Бога, дающего это человеку. К тому же, сильные доводы привлекают гораздо больше, чем доводы слабые. След, который Творец запечатлел в Своих творениях делается гораздо более ярким через энергичные дары, чем через взывание к примирительному благородству.

Бог не даром послал нам Свою благодать. Поэтому Он может призвать нас, как это делал Он, пройти Крестный путь.

Те, кто отдаются с пониманием воспитанию молодых людей, прекрасно знают, что с ними добиваются гораздо больше, требуя в полной мере, нежели требуя только наполовину.

Пусть, наконец, будет отмечено следующее: упразднение Креста, что оно оставит великого, яркого во всех добродетелях? Это Крест дает свои параметры лучшим вещам, которые люди могут делать.

Защищать Крест - это означает защищать покаяние, умерщвление плоти, строгость, самоотречение, безмолвие, уединение, бедность, забвение, страдание, тяжкие обязанности, героизм, искупительное жертвоприношение, дисциплину, методичность, требовательную совесть, прощение, воздаяние добром за зло, пост, принесение себя в духе жертвы, мученичество. Идея идти к миру, подслащая и смягчая то, что горько и жестко, является капитуляцией, а не сноровкой. Истина сохраняет свои строгие права в их полноте, даже на этой почве.

Institut du Christ Roi et Souverain Prêtre.

Revue № 24. A. D. 2002 - 2003. P. 15 - 16.

Кардинал Джузеппе Сири. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

"Ортодоксия, заблуждения и опасности".

Пастырское послание от августа 1959 г.

Церковь не должна заниматься политическими и социальными вопросами. Вот второе положение, которое заставляют слышать тут и там: "Церковь (стало быть, церковная власть) не должна вмешиваться в земные дела, особенно она не должна заниматься политическими и социальными вопросами. Она должна думать только о душах".

Это положение, как мы докажем, содержит немного истины и много лжи. Его употребляют и им злоупотребляют те, кто не желают быть потревоженными в своих планах и в своих интересах, те, кто не желают встретить на своих кривых путях кого-либо, могущего остановить их в дурном направлении, во имя высшей истины и несомненной справедливости.

Критика.

Скажем сначала о том, что истинно. Сама по себе Церковь имеет цель вечную, а не земную, и, согласно ее позитивной конституции, исходящей от Христа, она имеет способность, отвечающую этой цели. Она не имеет в качестве адекватной цели занятие земными вещами как таковыми.

Посмотрим теперь на то, что ложно в этом положении.

Пусть Церковь не имеет в качестве адекватной и характерной цели занятие земными вещами. Это не значит, что она не может, в самом деле, ими заниматься в соответствии со своей вечной целью, напротив:

- Как это уже отмечалось, Церковь является видимой, и по воле Божьей она имеет конституцию, которая помещает ее посреди земных реальностей, которая обязывает ее оставаться там и пользоваться земными вещами, а значит обращаться к земным делам.
- Она должна вести к вере, благодати и спасению людей, живущих посреди земных вещей. И она должна это делать, следуя сквозь земные реальности и трудности. И значит, в соответствии даже с ее собственной функцией, она должна входить в эти реальности и трудности.
- Она является сама хранительницей своей собственной свободы, своих собственных Божественных прерогатив. Она должна, следовательно, также защищать их при случае и на самой земле, где есть надобность в защите. Было бы безрассудным думать, что Церковь могла бы, как она должна, воздействовать на верующих в мире, ином, чем тот, где живут верующие.
- Церковь является хранительницей и судьей нравственного характера во всех человеческих деяниях. Следовательно, как минимум, с этой точки зрения человеческие дела также должны быть объектом ее законных забот. Никто не может помышлять об отделении политики и социологии от нравственности, ибо перед Богом не существует никакой экстерриториальности.
- Заключение: Не следует говорить, что земные дела сами по себе относятся к компетенции Церкви. Но определенные земные дела, как минимум в некоторых аспектах, должны быть объектом ее забот. И в целом, в отношении всех дел, она судит, соответствуют они или нет Божественному закону.

Противоестественное разделение.

В действительности, разоблаченное заблуждение сводится или, как минимум, привязывается к заблуждению, указанному на первом месте. Речь идет о противоестественном, бесчеловечном и безрассудном разделении между гражданской жизнью и жизнью духовной, между земным порядком и порядком религиозным, между миром и Богом. Иллюминатство измыслило нечто вроде конституции, обязывающей Бога к увеличению человеческой автономии. Заблуждение, о котором мы говорили, находится точно в этом ряду. Разделение между моментом, когда идут на мессу или в исповедальню, и моментом принятия решения по человеческим вопросам и проблемам довольно нравится даже католикам. Но единство истины, бытия и, следовательно, логики не уступает и никогда не уступит. Здесь искушение против ортодоксии идет от желания разделить в человеке аспекты, различные, но всегда связанные между собой самим законом.

Церковь не является исключительно "культурной и внутренней".

Заблуждение пытается также сослаться на богословское неведение. Последнее обращено на догмат, касающийся сущности Царства Божия или, как любят говорить сегодня, Мистического Тела Христа.

Мистическое Тело Христа является Царством Божиим. Стало быть, оно не является смутной, непонятной реальностью, которую можно было бы подчинить своей воле.

Царством Божиим на земле до конца мира является Церковь. И совершенно бесполезно верить в принадлежность к Царству Божию, к Мистическому Телу, если оно не находится в Церкви через послушание законным пастырям.

Искушение заключается в ограничении деятельности Церкви, чтобы эта деятельность была чисто культурной и чисто внутренней. Это ограничение существенно искажает замысел Иисуса Христа, который пожелал установить на земле сообщество, хорошо видимое и надлежащим образом наделенное правами, приходящими к нему не из человеческого источника. Если эти права могут быть за ним не признаны, то это станет для него причиной несчастья.

*Institut du Christ Roi et Souverain Prêtre.
Revue № 24. A. D. 2002 - 2003. P. 17 - 19.*

Кардинал Джузеппе Сири. ЦЕРКОВЬ И МИРСКОЙ ПОРЯДОК.

"Ортодоксия, колебания, компромиссы".

Пастырское послание от июля 1961 г.

- Церковь не имеет ничего общего с мирским порядком.

Ложное положение, принимая во внимание то, что Церковь была установлена Иисусом Христом, как совершенное и видимое сообщество, и снабжена средствами, относящимися к мирскому порядку, то есть воспринимаемыми чувством, а не только духовными.

- Церковь является вещью, безразличной для Государства, которое, с этой точки зрения, является в сущности мирским по природе.

Положение является ложным, ибо оно предполагает, что Государство является абсолютно нейтральной юридической сущностью. Государство, юридическое выражение общества организованных гражданским порядком людей, даже если оно - только нравственная сущность, происходит из согласия конкретных людей, представляет конкретных людей, руководит конкретными людьми и осуществляет управление через конкретных людей.

По этим причинам, нравственная обязанность, возлагающаяся всегда на каждого человека и на всех людей, соединенных в общество, ложится на Государство, насколько это возможно по его природе, и ложится полностью на людей, которые им управляют и которые полностью способны к нравственной ответственности.

Следовательно, вечный Закон имеет значение для Государства, и нейтральное Государство не существует достойным образом.

Также Государство должно быть само подчинено Божьей воле не меньше, но даже больше, чем частное лицо.

Стало быть, Государство должно уважать Божью волю, объявленную в Откровении. Пусть часто оно не имеет ни знаний, ни способности, чтобы это делать. Мы это слишком хорошо знаем. Но Божественный порядок во вселенной не меняется, когда наличествуют политические ситуации, которые (вопреки ему) не способствуют соблюдению Божественного закона.

Пусть случается время от времени в истории, что некоторые открыто нейтральные Государства бывают менее вредоносными, чем Государства открыто католические. Это хорошо известно всем. Но здесь речь идет о благе *per accidens* (проистекающем из второстепенных аспектов), а не о благе *per se* (проистекающем из того, что является основополагающим). Божественный закон не меняется. Католик не может поддерживать то положение, которое обсуждается.

- Ни при каких обстоятельствах Церковь не имеет права давать католикам советы или предписания, не касающиеся религиозных дел.

Это положение, так, как оно сформулировано, не является приемлемым. В самом деле, Церковь может делать то, что она считает справедливым, для своей свободы и для блага душ. Суждение о связи между делами, не относящимися к ее прямой компетенции, и ее специфической целью, бесспорно, принадлежит ей. Без этого она не сможет заботиться о себе сама и не будет совершенным обществом.

Связь между чисто земными делами и миссией Церкви часто является вполне очевидной: или потому, что эти дела имеют связь с благом душ, или еще по другим причинам. Эти и другие положения имеют тенденцию углублять ров, со всех сторон сжимающий Церковь, отдающий ее в известных случаях на милость чуждым силам и лишаящий ее всякого присутствия в человеческом обществе. Это попытка, находящаяся на том же пути отрицания.

Здесь также очевидно протестантское проникновение.

Дело становится более очевидным, если поразмыслить о попытке, осуществляющейся параллельно, умалить власть священной иерархии и священства через придание мирянам функции руководства или посредничества, которой совершенно нет в Божественном замысле Христа и которая, по существу, ведет к обмирщению Церкви.

Об этом мы говорили, в свое время, в нашем послании "Ортодоксия, заблуждения и опасности", к которому мы отсылаем, отмечая только, в этой связи, что мы находимся перед лицом истинно протестантского проникновения.

Institut du Christ Roi et Souverain Prêtre.
Revue N° 24. A. D. 2002 - 2003. P. 19 - 21.

Кардинал Джузеппе Сири. ОПУСТОШЕНИЯ В ЛИТУРГИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ.

"Ортодоксия, колебания, компромиссы".

Пастырское послание от июля 1961 г.

Когда появился институт опустошения, его первым этапом был фанатизм. Почитайте в связи с этим историю XVI века. С этой точки зрения архитектурные стили заслуживают особого внимания.

Ни для кого не является секретом, что наиболее распространенными и наиболее ценными образцами церковей являются те, которые задуманы в протестантском кругу.

В нашу задачу не входит говорить здесь о художественном воображении и творческих способностях, которые в прошлые века часто оказывались мало развитыми в некоторых местностях, где еще четверть века назад не умели строить церковь без образца, датируемого пятью, шестью или семью веками. Было бы интересно обратиться к этой теме. Но нас здесь интересует тот факт, что расхваленные и почти навязанные образцы распространяются там, где храмом пользуются только один час в неделю и единственно для пения, чтения, проповеди. Там оскудение является логичным. Как стенам не быть холодными, когда они предназначены для собрания, которое удушает сценическое и хореографическое искусство, символ, драму вместе со всеми Божественными представлениями под материальными символами реальных и действующих тайн?

Так приходит пристрастие принимать за изысканность то, что является только оскудением. Верно, что некоторые украшения могут принадлежать к затасканному академизму, но не все. И, однако, все изгнано. Во имя простоты алтари тем выше ценятся, чем больше они похожи на камни, наваленные друг на друга, как первоначально кажется, с впечатляющим однообразием. Дарохранительницы превращаются в маленькие ящики, переносные и бесформенные, не смотря на мнение Церкви, ясно выраженное в декрете Священной Конгрегации Обрядов от 3 сентября 1958 г. Убожество дарохранительницы является знаком недостаточного почтения к Божественным вещам. В нашей епархии мы оставили лично за собой одобрение всех сооружающихся дарохранительниц. И мы уже приняли решение не допускать, чтобы безрассудство и непочтительность узурпировали то, что является первым, хотя и чисто материальным, знаком воздаваемого Иисусу Христу почтения.

Отчего все это? Вопрос искусства? Нет: опустошение. Процитируем свидетелей, без сомнения авторитетных в области искусства, восхваляемых сегодня, вероятно по недомыслию, даже католиками.

"Высшим критерием архитектуры XX века является завод".

"Да, конечно, церковь подобна заводу. Тушат все огни. В определенное время суток люди покидают тот завод, где они меньше всего чувствуют себя людьми, и убегают, даже не обернувшись взглянуть на него".

"Художник полностью свободен по отношению к природе, и может быть судимым только с точки зрения своей собственной личности. В таком случае, очевидно, произведение искусства должно интересовать только художника, а не других. Произведение является одним из его интимных проявлений".

"Принципы Декларации прав человека и гражданина позволяют художнику свободно выражать свои мнения и, особенно, свою личную ответственность. Открыто, что свобода и восприимчивость являются сестрами. Художник повинует только своим собственным указаниям... Он призван освободить свою собственную индивидуальность, выразить прочувствованные "эготистские" впечатления перед лицом жизни... Особенность ренессанса XX века проявится более ясно, когда эготизм подчинит себе альтруизм, когда культ личности возвысится над традиционным культом общества".

Никакого закона, кроме самого себя! И по этим критериям будут возводить храмы Тому, кто, будучи без греха, был распят за всех других?

Тенденция эготизма (который было бы лучше откровенно назвать эгоизмом) всегда развивается в духе изолированности и бедности бытия, даже если имеется некоторое богатство эмоций. Нравственным бременем, которое станет результатом, будет отчаяние.

Вот к чему ведет оскудение и возвращение к животному состоянию.

Люди, испытывающие скуку от отсутствия смысла жизни, который был бы отражением вечности, уродуют и разрушают всякую действительность, предстающую перед ними. Не называют ли такой образ действия также экзистенциализмом?

Видно, как все более и более четко обрисовывается феномен порожденного религиозным мятежом философского движения, которое вторглось в область искусства в той точке, которая очень часто является вопросом не искусства, а идеологических утверждений. Натиск этого философского движения, пришедшего недавно из мистики "небытия", охватывает и оживляет то, что мы упорно называем искусством, и что является только подпоркой мятежного состояния души или анархического философского учения.

Итак, понятно в какие цвета раскрашено опустошение в Церкви.

Закончим эту главу.

Мятеж против церковного порядка, против абсолютного характера истины, против закона. Утверждение детерминизма, связанного с провозглашением неизбежности греха и, как следствие, распущенности. Мятеж против зависимого положения интеллекта по отношению к истине. Все это характеризовало печальное пришествие XVI века и связывает еще с различных сторон ход сегодняшней истории. Это те элементы, которые пытаются появиться вновь, хотя и замаскированными или просто приглушенными. Это - проникновение. И речь здесь идет не об отдельных эпизодах, но о заговоре, исходящем от разрушительной воли.

*Institut du Christ Roi et Souverain Prêtre.
Revue № 24. A. D. 2002 - 2003. P. 21 - 23.*

Кардинал Джузеппе Сири. ГЕФСИМАНИЯ.

Размышления о современном богословском движении (выдержки). 1981 г.

Гефсимания - это Врата святилища, где история снова обрела свой истинный облик и свой истинный порядок в рассудке и совести освобожденного человека. Это святилище, где в одиночестве духовно совершилось высшее жертвоприношение, через которое каждый раз отдельный человек и весь род человеческий могут вновь обрести вечный порядок их сотворения и также иметь возможность при посредстве благодати войти в радость непосредственного созерцания Создателя.

Только в ограде Гефсимании богословие может быть освобождено от всякого суетного интеллектуального наслаждения, от всякой мертвой буквы и от всякой неподвижной схемы мышления, от всякой черствости сердца, от всякой иллюзии автономии и от всякого бесчувственного состояния лихорадочной натуралистической деятельности. Только там рассудок и воля станут свободными через истину, согласно слову Христа (Ин 8, 32), поскольку там Искупитель пережил в своем Человечестве, со всей своей Божественной любовью, крест человеческой истории.

И в тайне борения Иисуса Христа можно провидеть значение человека в тайне человеческой истории.

В тайне Гефсимании снимается покров с двух наиболее великих, наиболее берущих за душу и наиболее сладостных тайн: Воплощения Бога в человека в Марии, и рождения Церкви, святой в отношении брэнного человека.

Было много Святых в народе Израиля, много Пророков. Было много душ, претерпевших страдания за свой народ и умевших любить Бога до полного принесения себя в жертву. Было много сильных и великих душ, по милости Божией проникших в тайны природы глубже, чем люди науки будущих поколений.

Но Человек ночного борения на горе Елеонской был Существом другой организации, соответствовал другой необходимости, другому ожиданию творения. И здесь - причина того, что это борение не только касается каждого человека, но и онтологически связано с каждым человеком. Человек не связан с борением Христа только через воображение или сострадание в отношении кого-либо, кто безвинно страдает. Человек связан с ним, поскольку был причиной совершенного в одиночестве в Гефсиманском саду жертвоприношения, являющегося не нравственным актом, но действием существа.

"Fiat" Девы Марии имело непосредственным следствием событие в природе человеческой сущности, событие онтологически новое. Слова, которыми Христос полностью передает себя в волю Отца, составляют второе "Fiat" экономики спасения человека. "Fiat" Гефсимании было исполнением, на новом этапе, первого "Fiat" человеческого существа Марии. Второе "Fiat", произнесенное Существом, порожденным Богом в человеческой природе, имело следствием единение Бога с жизнями всех людей, то есть с жизнью всех существ, представляющих собою Историю человечества.

Какой может быть конечная цель всего страдания на Кресте, принятого заранее? Такое жертвоприношение непостижимо без сознания, пусть очень слабого, причины этого жертвоприношения. И тогда проявляется во всей своей яркой простоте таинственная сущность борения Христа.

"Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты" (Мф 26, 39). Когда Иисус произнес это "если возможно", просил ли Он об освобождении от обязанности спасения душ? Когда Его ум издал этот возглас, не предпочел ли Он вдруг (не было ли этого в некоторый момент) отказаться от своей миссии и затем жить, стареть и однажды умереть, в соответствии с судьбой каждого человека?

Эти мнения рассеиваются как суетные вымыслы человеческой гордыни. Они рассеиваются, когда наш рассудок и наше сердце смиренно проникают в ограду Гефсимании. Здесь категории, согласно которым мы воспринимаем и судим, постепенно исчезают или, скорее, преобразовываются, принимая другое содержание и другой размах. И таким образом, как рассудок, так и сердце, в мирной гармонии принимают тайну Существа, молившегося, распростершись на земле, о спасении людей. Ибо возглас "если возможно" не означает утомления и того, что Христос предпочел нечто иное своей обязанности спасения людей. Христос не молился только о себе. Он молился от имени всех людей, с которыми соединился через свое жертвоприношение: "Но как Ты хочешь".

Христос - единственное Лицо с Божественной сущностью, внутренне пережившее страдание, в качестве Искупителя людей и в полноте своего человечества, приняв в непостижимой любви Страсти и

Смерть, порожденные злобой и грехом.

Итак, душа, со всеми силами разума и любви, проникает в тайну Воплощения и Гефсиманского борения, и понимает, что Искупление человека не является ни делом нового учения, ни примером великого совершенства, неизвестного до сих пор. Человек понимает, что его Искупление не является простым нравственным обновлением. Оно является, прежде всего, актом, затрагивающим принцип человеческого бытия, актом, фундаментально обновляющим закон человеческого рода.

Если человек не порожден через Слово Создателя, Искупление еще сводится к надежде на нравственное обновление. Об этом обновлении Пророки и Святые Израиля учили и показывали его делами, которые исполняли и могли бы исполнять всегда. Но первоначальный акт нового рождения через Божественное вмешательство Бога не был бы совершён, и Божественное онтологическое вмешательство в род Адама не было бы осуществлено.

Итак, Существо, молившееся, простершись на земле в Гефсиманском саду, было, несомненно, этим онтологическим проникновением Бога в род Адама. Бог создал бытие через свое собственное Слово, ставшее также человеком, принявшее "форму" человека в естественном человеческом организме.

Человек, не смотря на все свои исследования и свои расследования, не может при посредстве своих собственных сил постигнуть тайну различия уровня народов, как в прошлом, так и в настоящем. Редко удается различить издали, в глубине нынешнего времени, истинный первоначальный облик человека и человечества, поскольку мы утратили свежесть, а также радостное и постоянное изумление от деятельного и всегда нового созерцания бесконечной Реальности Бога Творца.

Эта утрата мешает нам постоянно воспринимать продолжающееся благодать и чудо существования всякой вещи, и мешает нам воспринимать "естественную простоту" дел, превышающих наш собственный опыт, чудесных великих дел нашего Бога Творца.

Человек никогда не может при помощи своих исследований и своих измышлений соприкоснуться с началом вещей и сущностей. Вот почему нам трудно постигнуть таинственный акт любви и гармонии, который совершился с первым "Fiat" Девы Марии.

Однако, этот акт Существо, молящемуся с покрытым кровавым потом лицом, онтологически соединиться с сущностью каждого человека в анархическом и прискорбном беспорядке Истории. И это соединение дает человеку возможность сделаться новым существом и познать, что в нем возникает вторая воля, находящаяся в борьбе с первой волей его природы, пребывающей в беспорядке, беспорядке греха.

Это особенное соединение, совершившееся через "Fiat" Гефсимании: "Не как я хочу, но как Ты". Ибо это соединение было предметом молитвы борения и "Fiat". И оно было причиной Креста, который должен был идти следом.

Гефсиманское борение, в своей онтологической тайне, не было бы возможно, если бы Существо борения не было бы Существом Воплощения. Борение Христа выражает страдание в уме и сердце, следовательно, во всей человеческой природе, страдание, принадлежащее этому единственному "Fiat" невыразимой любви: соединиться с сущностью каждого из человеческих существ Истории. Единственная Личность, всегда имеющая объективное знание обо всех вещах, - это Тот, Кто был зачат в Назарете. И Тот, Кто был зачат в Назарете, является Богом. Только Тот, Кто в Гефсимании соединился с сущностью всех людей, ради любви претерпевший в своем едином Существом скорби всех веков, знает с абсолютной объективностью то, что мы называем Историей. Это Тот, Кто вслед за внутренним и всеобщим страданием в Гефсимании перенес физические и нравственные страдания мученичества и смерть на Кресте. Тот, Кто, Человек и Бог на веки вечные, упразднил в своем Существом через свое Воскресение для всех людей тайну беззакония.

Человек желает объективности, как он желает жизни вечной. Один Владыка жизни вечной может дать человеку объективность. Человек может продвигаться вперед в объективном познании, только все более и более соединяясь с Владыкой Истории, сказавшем ради него "Fiat" в Гефсимании. Когда человек принимает эту истину, все законы, нормы и категории человеческого разума духовно возрождаются и все более и более освобождаются от пут мертвых дел и мертвых слов. Соразмерно с тем, как человек подчиняет Бога и дела Божии своему желанию автономии, часто очень хрупкому, но бурному, истинные законы человеческого разума постепенно исчезают, и категории приходят в оцепенение. Только абсолютно свободный субъект может быть абсолютно объективным. Вот почему человек только соразмерно тому, насколько он глубоко и с любовью принимает Откровение абсолютного Субъекта, может достигать объективности в своем видении существ и вещей. Объективность человеческих знаний, то есть степень истинного познания, зависит от онтологического

единства человека с Тем, Кто обладает всей объективной реальностью, поскольку Он сам является вечной Истиной, воплощенной на веки вечные.

Эта фундаментальная истина исключает из пути человека к познанию всякую плюралистическую теорию. Человек не является потерянным ночью в лесу, не зная пути. И он не является также "последовательностью моментов". Это - существо, наделенное памятью, которое располагает ею сразу во времени и вне времени. Ибо при помощи дара памяти оно опережает время и "последовательность моментов". Бесконечно обогащаясь и постоянно развиваясь, человек остается, однако, неизменным, как существо и как потенциал бесконечного обогащения и расширения. Христос следует по всему пути человечества и является вчера, сегодня и во веки тем же. Отбрасывая Откровение, чтобы размышлять о Боге и мире, опираясь, через хрупкое желание автономии, только на наши собственные средства исследования, мы теряем всякую возможность объективности и входим в "экзистенциальную ночь". Ибо это - глубокая ночь для ума, когда человек, все его суждения и действия сосредотачиваются на проходящих "моментах", на "бытии-здесь" и на "бытии-там". Этот экзистенциалистский взгляд, то есть видение всех вещей без отнесения к нашей глубочайшей реальности, больше всего языковая игра поверхностных слов, вытесняет в нашем действии нашу собственную реальность сознания и памяти.

И невозможно познать ни себя, ни достоверное существо. Отказ от Владыки объективности является онтологическим отказом от истины.

Релятивность проходящих моментов не может достигнуть существа, которое познает и любит. Но когда существо поддается релятивности, оно входит в водоворот экзистенциалистских речей, утверждающих, что человек не имеет истинного облика своего существования, ни понятия существования. Речь может быть неопределенной, создание слов и выражений бесконечно. Это - печальная игра ложной философии, отказывающейся подчинить все вещи Владыке Истории, являющемуся воплощенной Истиной, которая представляет собою вечный порядок всего многообразия вселенной и Истории.

Когда в нашем уме и в нашем сердце раскрывается тайна Гефсимании и ее связь с "Fiat" Благовещения, всякий язык становится потерявшим силу, ибо обнаруживается, что История не может открыть никакой тайны ни о законах, ею управляющих, ни о конечных целях человека. Она не может, поскольку сама не имеет ни сознания, ни совести. Единственное, чему она может научить, это тому, что Владыка Истории сказал "Fiat" страданию и соединению с сущностью всех людей, чтобы избавить каждого человека, в каждом конкретном случае, от смерти и ввести его в иную реальность жизни вечной.

Ссылаться каждый раз на Историю, чтобы избежать ссылки на Владыку Истории, - это все равно, что говорить о полифонии, не обращаясь ни к тому, кто сочиняет музыку, ни к тому, кто ее исполняет. Один Создатель законов и целей может знать реальность конечных целей всякой вещи, Создатель и те, кому Он это открывает, и кто принимает со Смирением и любовью Его Откровение.

Никакой человек не может быть спасен через искупление общества. Это Искупление каждой отдельной личности может создать совокупность спасенных личностей. Это через любовь к каждой конкретной личности в Израиле, к каждому конкретному Израильянину, возрадовался Симеон, приняв в свои руки Искупителя. Он получил Божественное известие, согласно которому должен увидеть Спасителя прежде, чем умереть. И когда он увидел Его, то возрадовался не из-за искупления абстрактного существа, но из-за всех тех, кто будет спасен, и не из-за желания прочного и процветающего положения в Истории. И вот почему он сказал: "Nunc dimittis servum tuum, Domine...".

Он возрадовался из-за Света всех людей, которым был Христос, и из-за Славы Израиля. Этой Славой был Христос, призвавший каждого Израильянина к спасению. Ибо Израиль не был идеей; это было сообщество, каждый член которого был призван к искуплению.

Молодой человек, дорогой молодой человек сможет в тайне "Fiat" Гефсимании найти путь познания тайны Человека в Истории, путь скрытый, но полный света. И он увидит освещающую себя перед ним загадку Церкви. И он познает глубокую радость, о которой Христос говорил, что никто не может ее отнять. И он будет иметь большие познания о вещах естественных и сверхъестественных. И он будет иметь великий мир, мир истины, который дает только Христос. Он поймет всем своим существом, что тайна Воплощения Бога в нашей бедной ничтожной плоти заключает в себе тайну происхождения человека, земных скорбей и истинных конечных целей.

Он поймет, что только Владыка объективности, через принятие Его Божественной и человеческой идентичности, может просветить нас о смысле времени и вечности, о суетности веры в то, будто можно

изменить понятие вечности и упования на вечность, призывая людей, во имя Бога, "раскрывать время".

Он поймет, почему Христос отказался быть судьей при разделе земель двух братьев, и почему Он во всем Своем учении представил перед глазами людей всех званий одинаковый путь следования в жизнь вечную.

Он поймет в глубочайшей интимности своего бытия, что все то, что эволюционирует, перед всяким изменением и после всякого изменения: **есть**, и что все то, что составляет изменение, любое обогащение или обеднение, не разрушает и не искажает ту реальность бытия, которая обогащается или обедняется. И в неосязаемой и вневременной реальности человеческого бытия имеется безграничность: сознание и память. Кто отвергает эту безграничность, тот отступает и попадает в анархический и экзистенциалистский тупик, где не может действительным образом встретить Владыку всякой объективности. Это безумие следует позади миража "бытия-там" или "бытия-здесь", миража власти устанавливать язык и основывать знание человека на зыбкости, а не на Том, Кто существует, Кто помнит себя и имеет сознание бытия, и Кто открыт для поклонения. И быть открытым - означает двигаться, и поклонение означает стабильность, охватывающую и приводящую в гармонию все, что движется, и все движение.

Он поймет, что рассмотрение истории вне "Fiat" воплощенного Слова, Богочеловека, в Гефсимании, является суетным измышлением, которое может привести к созданию прямых мифов философии Истории или даже богословия Истории. Силой сведений и сравнений нельзя оторвать тайну жизни от сообщества людей. Все опыты всех гуманитарных и естественных наук, все предсказания о будущем народов или о будущем Церкви касаются, сознательно или нет, в высшей степени жизни в миру человека, имеющего бессмертную душу.

Он поймет, что Церковь, в силу своего происхождения и своей глубинной сущности, изначально проявляла, и будет проявлять до конца мира горячую заботу о благе всех людей. Это вполне допускает все, что облегчает сердце и поддерживает физическую жизнь до конца, когда человек покидает историю для вечности.

Он поймет, что является суетным и извращенным измышлением противопоставление тождества и миссии Церкви реальному, естественному и социальному, благу людей. Является суетным измышлением искажение ее миссии и адаптация ее к мирским перспективам, которые всегда преходящи.

Он поймет, что будущее человечества может быть освобождением человека в его веке только в меру того, что этот человек будет думать и делать, поскольку бесчисленные люди, проводящие время в бегстве, могут в конце их жизни выйти из истории к вечному свету.

Он поймет, что это суетное измышление, неосознанное или извращенное, - противопоставлять друг другу в сознании крещеных личность и группу, человеческое существо и общину, душу, призванную к вечной жизни, и человечество. Апокалипсис, говоря и пророчествуя о будущем Церкви и человечества, говорит о вере и спасении каждого человека. Новый Иерусалим, нисходящий с неба, может означать - при любом толковании образа - только стройную совокупность, где каждое человеческое существо поклоняется неизмеримой тайне Господа и наслаждается ею. "Гряди, Господи Иисусе!" (Откр 22, 20). Да, гряди, чтобы привести, если возможно, всех людей к вечной жизни Твоего Царства.

Он поймет, что все, известные и неизвестные, малые и большие, измены членов Церкви, низость души, ограниченность ума, жестокость и всяческая неверность, которую Церковь могла иметь и переживать внутри себя, все это является только подобием кровавого пота Гефсимании, ран и крови на Кресте. Вот почему надо думать о Святом Существом Богочеловека. Нельзя ни менять, ни оставлять Господа по причине Его язв.

Он поймет, что Церковь, не смотря на свои язвы, несет не только в устах, но и в сердце Истину и Жизнь, поскольку ее сердце является сердцем Христа.

Он поймет, что всякое творение, все как оно есть, является знаком неизменной реальности, и человек может бесконечно прочитывать и познавать эту неизменность. Человек может внутри любой ситуации, ситуации спокойной или, как в наши дни, взрывной научиться читать тот язык, который его сотворил. Он может это, ибо его собственные слова, не смотря на всю их относительность, имеют свое начало, как и сам человек, в вечном Слове Божиим.

Он поймет тогда, почему в роде человеческом есть привилегированное существо. Это существо,

которое произнесло первое "Fiat" в истории. И поэтому речь не идет о литературе, составленной благочестивым сентименталистом, когда Церковь называет Деву Марию Матерью Божией.

Он поймет, что никакая поспешность, никакая личная или общая опасность, никакая враждебность по отношению к воплощенному Слову или к Матери воплощенного Слова, не должны исказить в уме и сердце действительное основание святого богословия и единственной конечной цели истории: то есть воплощение Слова, Иисуса Христа, в Святой Деве Марии.

Он поймет, что единственным путем служения истине является порождение или возрождение в людях истинной надежды, приносимой Личностью и Словом Иисуса Христа.

И он припомнит себе, что Господь, согласно Евангелию от Святого Иоанна, сказал: "В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир" (Ин 16, 33); и в Апокалипсисе: "Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни" (Откр 2, 10).

*Institut du Christ Roi et Souverain Prêtre.
Revue № 24. A. D. 2002 - 2003. P. 25 - 34.*

Кардинал Джузеппе Сири.

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Дорогие братья,

Я покидаю вас для вступления в жизнь вечную.

Я ожидаю вас всех, ибо имею смиренную надежду, что Господь примет меня к Себе. Имейте сострадание ко мне, я надеюсь, что благодаря вашей молитве мое Чистилище будет недолгим.

Я счастлив, что служил Богу и обладал в течение всей моей жизни только духом Святой Церкви, не смотря на мои недостатки.

Я счастлив, что пострадал, и что всегда защищал Церковь и Верховного Первосвященника.

Я благодарю Бога, даровавшего мне примерных родителей, моего приходского священника, который обучал меня и внушал мне церковный дух, и всех моих начальников.

Я счастлив, что любил Пресвятую Деву как Мать, и что почитал всех святых, начиная с моего чудесного Покровителя, Святого Иосифа. Святые являются лучшими спутниками в земной жизни.

Я счастлив, что всегда боролся ради защиты католического учения, и что служил.

Я прошу прощения и я прощаю.

Теперь я вижу, и я вам говорю: ничто не представляет ценности кроме, как любить Господа и, ради любви к Нему, любить наших братьев, забывать самого себя и служить Богу во всем остальном.

Время коротко, используйте его хорошо и учите детей и молодежь хорошо использовать его.

Последнее благословение для тех, чьим Епископом я был.

Последний акт:

NON NOBIS, DOMINE, NON NOBIS,
SED NOMINI TUO DA GLORIAM

Institut du Christ Roi et Souverain Prêtre.

Revue № 24. A. D. 2002 - 2003. P. 38.